

АНТИЧНЫЙ
МИР

ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

М.Б.
Елисеев

Михаил Борисович Елисеев
Походы Александра
Македонского
Серия «Античный мир»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28533605
Походы Александра Македонского: Вече; Москва; 2017
ISBN 978-5-4444-9276-5*

Аннотация

Александр Македонский, грозный завоеватель, стирающий с лица земли города, и великий строитель, который на захваченных землях возводил их десятками. Жестокий тиран, убивающий своих друзей и заливший реками крови половину Востока, и мудрый правитель, уравнивший побеждённых в правах с победителями. Царь, которого новые подданные считали богом, а соратники – отступником. Так кто же он был, человек, который подобно яркой комете промчался по небосводу истории, – Александр Великий, как называют его на Западе, или Искандер Проклятый, каким помнят его на Востоке?

Содержание

Предисловие	5
Краткий обзор источников	18
Книга первая. Сын Аммона	24
Цари Македонии	24
Жизнь базилевса	24
Потомок Ахиллеса	49
Дорога к Херонее	68
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Михаил Елисеев

Походы Александра Македонского

© Елисеев М.Б., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

*Памяти деда моего,
Добрынина Леонида Михайловича,
посвящается.
Он сражался на Курской дуге,
штурмовал Будапешт, освобождал Вену.
Автор*

Предисловие

Возможно, ни один другой аспект человеческой жизни не привлекал столько внимания, как власть – власть политическая, власть отеческая; власть чувства, власть разума; власть инстинктов, власть толпы, власть гения... Сотни книг и статей посвящены исследованию этого феномена с различных точек зрения, но по-прежнему разуму человеческому не под силу выработать единую чеканную формулу – что есть власть. Пожалуй, один из способов понять этот феномен – проследить жизненный путь человека, сумевшего добиться власти и удержать её в пору, когда старый мир умирает, а новый – творится на глазах. В том числе и этим великим человеком. Тогда станет понятно, что завоевание и удержание власти – искусство сродни алхимии – сплав знаний, интуиции, опыта и, конечно, удачи. Фортуны, как сказали бы древние. Многие приходили к власти, но лишь немногим удалось справиться с нею и остаться в памяти человечества как «гением власти», так и «гением войны».

Один из них – Александр, сын Филиппа II, оставшийся в истории Великим Александром. Уже в древности Александра оценивали по-разному – как великого героя, благородного и великодушного; как великого злодея, жестокого и несправедливого восточного деспота; как ученика Аристотеля, бывшего героем и идеальным правителем, пока он сле-

довал советам своего учителя, но превратившегося в тирана, убийцу, восточного варвара после забвения уроков Аристотеля и порчи нравов царя. Современные исследователи едины в одном: Александр – великий полководец и великий завоеватель. В остальном, особенно в оценке Александра-политика, оценки полярны: одни его считают создателем великой державы, одним из первых культуртрегеров западного мира, принесшим народам Востока великую греческую культуру народов Запада, основавшим более 70 новых городов, провозвестником «братства народов», «первым интернационалистом». Другие – кровавым разрушителем, предателем идеалов эллинской демократии и свободы, поработителем народов, превратившим граждан – в подданных, свободное гражданское общество – в монархию. Третьи считают его великим авантюристом, которому удалось возвыситься по воле случая и удержаться у власти только благодаря счастливому стечению обстоятельств – слабости Персидской державы, трагическим ошибкам царя Дария и его полководцев, да и просто, что называется, благорасположению богов, самым ярким проявлением которого стала смерть на вершине могущества.

На самом деле, как это бывает в жизни, Александр – ни первое, ни второе, ни третье. Он – «гений власти», который слился с эпохой настолько, что сам стал ее воплощением и творцом. Читатель книги Михаила Елисеева «Звезда Двурогого Искандера» это увидит. Но, чтобы оценить гениаль-

ность Александра в полной мере, следует сказать буквально два слова о том, что осталось за рамками книги – нельзя объять необъятное! – атмосфере Греции второй половины IV века до н. э., которую Александр гениально почувствовал и не менее гениально использовал, организуя поход на Восток и создавая великую Державу Александра Македонского.

* * *

После Пелопоннесской войны Греция, как и три столетия назад, в период архаики, пережила все «прелести» бурного роста экономики в консервативном обществе: бум земельных и иных спекуляций, «раскрестьянивание» граждан (зачастую – добровольное), приток населения в города, нехватка денежных средств, распад традиционной системы ценностей, бросающееся в глаза имущественное расслоение, чрезмерное престижное потребление одних и сужение возможностей других, рост социальных расходов государства-полиса и неостановимый рост дефицита бюджета, деградация политических институтов (народного собрания и народного суда в частности), социальные смуты, политические заговоры и перевороты, во внешней политике – столетие борьбы «всех против всех» за гегемонию в Греции. Греческое общество находилось на пороге крупных экономических, социальных и политических сдвигов. Изменения в полисной жизни, которые готовили эти сдвиги, воспринимались современника-

ми как нарушение установленного порядка, катастрофа, отсюда – и преувеличенное внимание к новым явлениям, и преувеличенно эмоциональное их восприятие.

Демосфен, рисуя картину стремительного обогащения отдельных сограждан в ущерб интересам коллектива, заявил в речи, что предки афинян «передали нам в наследство Пропилеи, портики и прочие сооружения, которыми украсили город; напротив, дома знаменитых людей того времени не были великолепнее, чем дом соседа. А теперь... наше государство довольствуется тем, что сооружает дороги, водопроводы, белит стены и делает ещё разные пустяки. Зато в частной жизни люди, ведавшие общественными делами, соорудили себе дома роскошнее общественных зданий». Жажда обогащения овладела умами: «Кто завладел талантами тринадцатью, Тот только и мечтает о шестнадцати, Получит их – о сорока он думает» (Аристофан). По выражению оратора Лисия, богатые отечество свое видели не в государстве, а в имуществе. В Афинах и других крупных городах Греции появились богатые дома, украшенные пышным коринфским ордером, с обслугой в 50—100 рабов. Не случайно герой комедии Менандра говорит, что «единственно полезные нам боги – серебро и золото. Лишь в дом их принесешь – о чем помолишься, Все будет у тебя, что только хочется: Земля, дома, служанки, украшения, Друзья, свидетели и судьи – лишь плати! К тебе пойдут и боги в услужение».

Контраст богатства и бедности сделал бедность более за-

метной, а удача богатых подчеркнула убожество бедности. На полях спустя два столетия вновь появились каменные столбы с долговыми записями, которые когда-то снял Солон. Оратор Лисий говорил о том, что с этим расслоением уходит величайшее благо государства – согласие, а на его место приходит раздор: «люди ссорятся друг с другом всё больше из-за того, что одни хотят завладеть чужим имуществом, а у других отнимают то, что у них есть». Философ Платон писал, что каждый греческий город-государство разделился на два государства – богатых и бедных, каждое из которых стремится пожрать другое. «Врага бояться меньше, чем собственных сограждан. Богатые готовы скорее бросить свое имущество, чем отдать его бедным, а для бедных нет ничего более желанного, чем ограбить богатых. Жертв больше не приносят, а у алтарей люди убивают друг друга» – так описывал греческий оратор Исократ современную ему Грецию. И не столь уж преувеличивал – в Аргосе в 370 году до н. э. демагоги возмутили толпу против богатых граждан, более 1000 именитых сограждан было забито дубинами и палками на улицах и в своих домах. В свою очередь, аристократы и состоятельные граждане создавали тайные союзы – гетерии для захвата власти. Вопрос зачастую стоял уже не просто о победе определенной группировки, а о физическом уничтожении противников.

Чтобы избежать подобных эксцессов, многие города пытаются материально поддержать своих обедневших граждан,

для чего организовывались общественные работы. В Афинах стали платить даже за посещение Народного Собрания. Но требования граждан к государству растут: помимо оплаты должностей, появляется прямое материальное вспомоществование («кормление»). Демосфен, обращаясь к афинянам, сравнивал социальные выплаты с лепешками врачей, «которые предохраняют от смерти, но жизненных сил не дают». По его мнению, эти выплаты «поощряют к нерадивости», так как мешают самостоятельно добывать средства пропитания. В афинской казне не хватало средств для выплаты жалованья наемным солдатам и судьям, а народ требовал, чтобы город не скупился на устройство театральных представлений и спортивных состязаний. Народ греческих полисов уже был иным, чем во времена «марафонских бойцов».

Аристотель сравнивал финансовую жизнь греческого города с бочкой Данаид, а работу финансиста, изыскивающего для города деньги, – с трудом Данаид. Ведь государство в то время не имело постоянных надежных источников дохода: граждане были освобождены от налогов, доход получали с торговых пошлин, государственных рудников, ремесленных мастерских.

В Народном собрании трибуной завладевают демагоги – народные избранники. Народ, зачарованный красивыми речами и громкими, но пустыми обещаниями демагога, принимал решения, выгодные уже не всему государству, а ка-

кой-либо группе или даже одному лидеру. Истеричный тон, задаваемый демагогами, позволял легко возбудить негодование против любого – богатых, излишне независимых от общественного мнения, внешних врагов (далее – по списку, в зависимости от ситуации и заказа). Народное собрание все больше превращалось в место откровенного лоббирования или сведения счетов между народными избранниками. Процветала коррупция. Отсутствие профессионализма подтачивало авторитет народного суда – кормясь за счет государства, выбранные судьи были заинтересованы в росте сутяжничества. Богатым людям проще было откупиться, чем доказать свою невиновность в суде. Наиболее предприимчивые граждане овладевают новой доходной профессией – доносчика-сикофанта. Сикофант или получал часть имущества осужденного по его доносу, или вознаграждение за молчание от потенциальной жертвы. До нашего времени дошли отрывки из речей сикофантов. Завершение их незатейливо: «В любом случае, граждане-судьи, этого человека надо засудить, иначе вам не из чего будет получить ваше жалованье». Герой «Домостроя» Ксенофонт жаловался, что «считаться богатым опаснее, чем совершить преступление».

В этих условиях граждане уже не были уверены в сохранении своего имущества и жизни. Низы тешат себя разного рода иллюзиями: все большую силу приобретают народные утопии, представления о хорошей жизни в давние времена – времена Хроноса. Недаром многие смуты IV века заверша-

лись массовым переделом имущества и установлением механического равенства, хотя бы и на неделю. При этих обстоятельствах состоятельные граждане в первую очередь жаждали сильной власти, которая могла бы навести порядок. Все заметнее становится тяга к монархии. Образ сильного правителя, монарха становился очень популярным в философской и политической литературе. Исократ посвящает разработке идеи власти сильного правителя ряд речей (последняя – «Филипп»); Аристотель об этом рассуждает в сочинении «Политика»; Ксенофонт создает привлекательный образ идеального монарха – Кира Младшего.

На волне этих настроений к власти приходили честолюбцы – тираны, опиравшиеся на наемные отряды и гетерии. Для обретения власти тираном, важным средством была безудержная демагогия. Нередко установление тирании начиналось с погромов богатых, спровоцированных тиранами. Беднота после этого на время успокаивалась, а тираны призывались всеми для наведения порядка. Являясь, по сути дела, военной диктатурой, поздние тирании отрицали традиционный порядок и закон, тираны правили, опираясь на насилие и произвол.

Но не только тираны стремились возвыситься над обществом. Демосфен упрекал всех афинских граждан в росте индивидуализма и стремлении приписать заслуги общества одному человеку: «...ваши предки не воздвигали бронзовых статуй ни Фемистокла, руководившего морской битвой

при Саламине, ни Мильтиада, предводительствовавшего при Марафоне. Тогда никто не называл морское сражение при Саламине делом Фемистокла, но называл это делом афинян. Теперь же многие так именно и говорят, будто Керкиру взял Тимофей, отряд спартанцев перебил Ификрат, а в морском сражении при Наксосу одержал победу Хабрий».

Жители греческих городов-государств в IV веке до н. э. проявляют все большую аполитичность, безразличие к судьбе родного города. Герой комедии Аристофана «Плутос» бросает реплику: «где хорошо живется, там и родина». Именно в этом веке появилось понятие «космополитизм». Некоторые греки демонстративно называли себя космополитами – гражданами мира, а не гражданами города-государства, в котором они жили.

Возникшие внутренние проблемы многочисленные греческие государства пытались решить за счет соседей. Борьба за гегемонию в Греции велась на протяжении всего IV века. К середине века эллины уже не могли остановить эту мясорубку и были охвачены отчаянием.

Этим воспользовалась Персия, которая, поддерживая то одно греческое государство, то другое, добилась ревизии результатов Греко-персидских войн – возвращения господства на всем побережье Малой Азии и острове Кипре. Дело дошло до того, что на время Спарта стала фактически «цепным псом» Персии в Элладе.

В этих условиях выходом для Греции было взятие на во-

оружие лозунга «дранг нах остен» как национальной идеи для спасения Греции. Греческий оратор Исократ с 80-х годов IV века убеждал греков: надо покончить с междоусобицей в Элладе; если не начать общую войну с варварами, невозможно сохранить прочный мир в Элладе; навести порядок может только сильный правитель. С предложением стать таковым Исократ обращался то к спартанскому царю Архидаму, то к тирану Дионисию Сиракузскому, то, наконец, к Филиппу Македонскому. «Необходимо предпринять поход еще при жизни нынешнего поколения. Невозможно сохранить прочный мир, пока мы не начнем общими силами войну с варварами. Когда это осуществится, мы избавимся от нужды в куске хлеба, той нужды, которая разрушает дружбу, обращает родство во вражду, вовлекает всех людей в войны и смуты. Тогда, несомненно, между нами утвердятся согласие и истинное расположение». Войну, охватившую Грецию, следует перенести в Азию. Исократ полагал, что в Греции легко будет набрать войско из обедневших, но войну поддержат и те, кто остается дома, но рассчитывает «извлечь пользу из своего имущества». Война, по его мнению, не будет трудной, так как варвары трусливы и предрасположены к рабству. В результате богатства Азии потекут в Европу. Исократ, помимо ограбления Персии, предложил основать на ее территории новые города, заселив их теми греками, кто не имеет средств.

Идея Исократа не была невыполнимой. В 401 году до н.

э. отряд греческих наемников, входивший в армию Кира Младшего, после гибели Кира прошел Персию – от центра Персидской державы до побережья Малой Азии. Таким образом, наемники показали, что с персами можно бороться на их территории.

Идея похода на Восток под предводительством единого сильного командира-правителя идеально подходила к переходившей из поколения в поколение идее отмщения варварам за все бедствия, причиненные персами греческим государствам во время персидского нашествия, за все жертвы среди эллинов, защищавших свою свободу, за поругание святынь.

* * *

Как известно, в результате великого похода Александра мир изменился:

- Был положен конец изолированному развитию Запада и Востока.
- Народы Востока вплотную соприкоснулись с греческой культурой, греческим образом жизни.
- Греки получили возможность воспринять достижения восточной науки и культуры.
- Расширились знания греков об окружающем мире.
- Сокровища персидских царей, копившиеся веками, были пущены в денежное обращение, что привело к развитию

торговли в мировом масштабе – от Греции до Индии.

Однако для колыбели греческой цивилизации – юга Балканского полуострова последствия оказались неоднозначными. Вначале приток добычи с Востока и отток на завоеванные на Востоке земли значительной части греков снял внутренние противоречия в Балканской Греции. Но уменьшение общего количества жителей стало постепенно приводить к опустению страны. Кроме того, на Восток уходили самые энергичные и предприимчивые.

Главные центры экономической, политической жизни сместились на эллинистический Восток. Приток в Элладу огромных денежных средств вызвал рост цен на все товары ремесла и продукты сельского хозяйства, снизилась платежеспособность греческой монеты. Греция всегда была бедной страной. Теперь, на фоне богатств эллинистического Востока, её бедность стала особенно заметной.

* * *

Земной путь Александра Великого оборвался 13 июля 323 года до н. э. Он прожил 32 года и 1 месяц, из которых царствовал 13 лет. Однако Александр продолжает жить в веках, и снова и снова проходит путь от рождения до смерти – в легендах, романе об Александре (более 80 вариантов), сказаниях об Искандере Двурогом, многочисленных научных монографиях и художественных произведениях XIX–XXI ве-

ков. Предлагаемая вниманию читателя книга Михаила Елисеева – еще одна реинкарнация Александра.

Михаил – выпускник исторического факультета. В отличие от многих, изучающих историю античной Греции в кабинетах, Михаил постарался найти ее следы в Греции, на островах Эгейского моря, на Малоазийском побережье Турции, и зафиксировать на фотографиях, часть из которых приведена в этой книге.

«Походы Александра Македонского» – результат тщательного прочтения дошедших до нас произведений античных авторов в соединении с эмоциональным «проживанием» жизни Великого Македонца. Тем он и интересен.

Кандидат исторических наук Карасёва А.В.

Краткий обзор источников

Написать книгу о походах Александра, сына Филиппа, довольно сложно, поскольку про Великого Македонца существует столько разнообразной литературы, что кажется уже невозможно увидеть что-то новое в личности легендарного базилевса. Хотя письменных источников сохранилось не так уж и много. Это, прежде всего, труды Арриана, Квинта Курция Руфа, главы из книг Диодора Сицилийского и Юстина, а также несколько работ Плутарха. В том числе и знаменитая биография. Сделаем краткий обзор источников.

Начнем с «Похода Александра» Флавия Арриана. Историк и географ Луций Флавий Арриан родился между 87 и 90 годами, умер между 169 и 180 годами н. э. Уроженец вифинского города Никомедия (в Малой Азии), он занимал ряд высших должностей в Римской империи. Арриан написал ряд исторических трактатов, в том числе об Индии, а будучи большим любителем и знатоком псовой охоты, поделился своими знаниями с читателями в книге «Об охоте». Арриан был грамотным военачальником, лично командовал крупными воинскими контингентами и участвовал в боях, что нашло отражение в его трудах, посвященных военному искусству – «Тактике» и «Диспозиции против аланов». Но самой знаменитой книгой, прославившей Арриана на века, стал «Поход Александра».

О том, откуда он черпал информацию для своего произведения, Арриан сообщает в самом начале первой книги: *«Я передаю, как вполне достоверные, те сведения об Александре, сыне Филиппа, которые одинаково сообщают и Птолемей, сын Лага, и Аристобул, сын Аристобула. В тех случаях, когда они между собой не согласны, я выбирал то, что мне казалось более достоверным и заслуживающим упоминания»*¹.

Птолемей – ближайший соратник македонского базилевса, а после смерти Александра правитель Египта. И уж кому, как не ему, было знать планы и надежды своего повелителя! К тому же, являясь участником многих военных операций, которые провёл Великий Македонец, Птолемей смог дать их описание с подробностями очевидца. Например, именно сын Лага пленил самозванца Бесса.

Другим основным источником, которым пользовался Арриан, был труд греческого историка начала III в. до н. э. Аристобула. О его жизни нам почти ничего неизвестно, предположительно он родился около 384 года, а умер после 294 года до н. э., прожив более 90 лет. Как и Птолемей, Аристобул принимал участие в походе македонской армии на Восток, но в ближайшее окружение македонского царя не входил, хотя и был знаком с некоторыми командирами и служащими царской канцелярии. Начиная с 300 года до н. э., когда Ари-

¹ Здесь и далее: Арриан. Поход Александра по изданию: Арриан. Поход Александра. М.—Л.: АН СССР, 1962.

стобулу минуло 84 года, он начал работать над историей походов Александра. Это сочинение не сохранилось до нашего времени, но его широко использовали в своих работах географ Страбон и соответственно Арриан.

Особую ценность «Походу Александра» придает то, что его автор был хорошо знаком с военным делом и поэтому в отличие от многих кабинетных историков не грешил различными нелепостями при описании боевых действий. Впрочем, Арриан и сам это прекрасно понимал: *«Если кто изумится, почему мне пришло в голову писать об Александре, когда столько людей писало о нем, то пусть он сначала перечтет все их писания, познакомится с моими – и тогда пусть уж удивляется»*. Как видим, историк между делом обмолвился о том, что уже в его время о македонском царе было написано огромное количество литературы. Правда, о её качестве он отзывался довольно пренебрежительно. Однако от этого богатого наследия до нас дошла лишь незначительная часть.

Вторым по важности источником информации о жизни великого завоевателя является «История Александра Великого Македонского», римского историка Квинта Курция Руфа. По мнению большинства исследователей, Курций Руф жил в I веке н. э. и создал свой труд в царствование императора Клавдия (41–54 гг.). «История» Руфа была написана в 10 книгах, однако сохранились книги с III по X. Две первые книги, в которых предположительно излагались события от

воцарения Александра до его похода в глубь Малой Азии, утрачены. Но, тем не менее, этот труд является наиболее подробным рассказом о жизни македонского царя. При этом всегда следует помнить, что Квинт Курций, как и Арриан, не был современником великого полководца. Во время работы над жизнеописанием Александра, Руф пользовался более ранними сочинениями, некоторые из которых вызывают сомнения в достоверности, т. к. писатель допускает ряд фактических ошибок. В отличие от Арриана, он своих источников не указывает и на них не ссылается, а по отношению к главному герою настроен весьма критически.

Большое значение для изучения жизни и походов Александра Македонского имеет «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского (прим. 90–30 гг. до н. э.), древнегреческого историка, родом из города Агириума на Сицилии. «Историческая библиотека» Диодора состояла из 40 книг, разделенных на 3 части: первые 6 книг обзорные, описывают географию, культуру и историю древних государств: Египта, Месопотамии, Индии, Скифии, Северной Африки, Греции и Европы. В следующей части Диодор излагает историю мира от Троянской войны и до смерти Александра Великого. Заключительный раздел освещает времена диадохов и последующие события вплоть до войны с галлами Юлия Цезаря. До той эпохи, когда жил сам Диодор. Как и многие письменные источники по истории Античности, «Историческая библиотека» целиком не сохранилась, полностью дошли до нашего

времени лишь книги с I по V и с XI по XX, а также фрагментарно книги IX и X. Нас интересуют книги XVI, XVII и XVIII, которые посвящены Александру и его отцу Филиппу.

Другой не менее важный источник – это «**Эпитама** сочинения Помпея Трога „*Historiae Philippicae*“» Марка Юниана Юстина, римского историка III века. Юстин был автором извлечения из не дошедшего до нас обширного исторического труда в 44 книгах более раннего римского историка I века н. э. Помпея Трога, под заглавием «История Филиппа». Это сочинение было посвящено отцу Александра, македонскому царю Филиппу II. Извлечение Юстина содержит обзор всемирной истории, но основное внимание он уделяет истории Македонии, от мифических времен до I века до н. э. Повествование Юстина отличается простотой и доступностью изложения, включает в себе много интересных фактов, но не следует тщательной хронологической последовательности событий. Юстин подверг труд Помпея Трога основательной переработке. Как и Плутарх, Марк Юний заострил главное внимание на описании наиболее занимательных и поучительных фактов, часто недостоверных, но передающих колорит эпохи. Ценность этой работы трудно переоценить, т. к. она доносит уникальную информацию, которую невозможно найти у других античных авторов.

И, наконец, Плутарх (ок. 45 – ок. 127), древнегреческий философ и биограф родом из городка Херонеи в центральной Греции. Места, где в 338 году до н. э. произошла ре-

шающая битва между армией македонского царя Филиппа II и объединённой армией эллинов. Из богатого литературного наследия Плутарха нас же, прежде всего, интересуют его рассуждения о Фортуне и её роли в жизни Александра Македонского («Об удаче и доблести Александра»), а также биография великого царя.

Вот в принципе и все основные работы античных авторов, из которых мы узнаём о деяниях легендарного македонского базилевса. Учитывая масштаб его свершений, это очень мало. Однако некоторые сведения о жизни и походах завоевателя мы можем найти в «Пёстрых рассказах» Клавдия Элиана, «Стратегмах» Фронтини, «Географии» Страбона и «Описании Эллады» Павсания. Информация о том, как относились к Александру покоренные народы, есть в художественных произведениях восточных авторов, живших, правда, в совершенно другую эпоху. Например, в поэмах Фирдоуси «Шахнаме» и «Стена Искандара» Алишера Навои.

Перед тем как перейти к рассказу о походах Александра Македонского, хотелось бы обратить внимание на один принципиальный момент – эта книга ни каким образом не является истинной в последней инстанции и не претендует на какое-либо новаторство. Просто мне хотелось донести **своё** восприятие Александра и того мира, который его окружал. Показать, как вместе с этим миром, который изменил сын Филиппа, изменился и сам легендарный полководец.

Книга первая. Сын Аммона

Цари Македонии

Жизнь базилевса

*Человека нужно оценивать
не только по делам его,
но и стремлениям.*

Демокрит

Македонский базилевс Филипп II, отец Александра Великого, был личностью мирового масштаба, человеком, который в буквальном смысле слова творил историю. По своим талантам как полководца, так и государственного деятеля он вряд ли уступал сыну, а кое в чём даже превосходил его. Можно смело утверждать, что если бы не деятельность Филиппа, то грандиозное предприятие, известное как походы Александра Македонского, никогда бы не состоялось. Это понимали как современники завоевателя, так и последующие поколения. В том числе и историки античности, недаром базилевс удостоился от них самых лестных слов. Например, Диодор Сицилийский характеризует Филиппа II как та-

лантливому военачальнику, мужественного и проницательного человека. Отдал должное македонскому царю и его соратникам Полибий: *«Несомненно ведь, что они собственными трудами и подвигами создали из ничтожного царства славнейшую и обширнейшую македонскую державу»* (Полибий, VII, 12).

Но так сложилось, что Филипп погиб на пике своей славы в тот момент, когда готовился свершить самое главное дело своей жизни – поход на Восток. Эстафету, выпавшую из руки македонского царя, тут же подхватил его сын, и в итоге блеск короткого царствования Александра затмил многолетнюю работу отца. Можно только предполагать, как бы сложилась судьба Филиппа, если б он не погиб от удара кинжала. Не исключено, что тогда мир так и не узнал бы об Александре Великом, поскольку двум медведям трудно ужиться в одной берлоге. Но всё случилось так, как случилось, и поэтому Филиппу было суждено оставаться в тени собственного сына. Несмотря на то что это был гениальный политический деятель своего времени, прекрасный полководец и один из величайших македонских царей.

Хотя начало жизни Филиппа ни к чему подобному не располагало. Он родился в 382 году до н. э. и был третьим сыном македонского царя Аминты. Самым младшим. Поэтому шансы на то, чтобы занять трон Македонии, Филипп имел весьма и весьма отдалённые. И то чисто теоретические, потому что два его старших брата Александр и Пердикка, мо-

лодые, полные сил и здоровья, вряд ли предоставили бы ему возможность поцарствовать. Как наследника престола Филиппа просто не рассматривали. Об этом свидетельствует тот факт, что будущий базилевс даже не получил систематического образования: *«поздно обратившись к учению, он остался ниже своих природных способностей и был склонен к юношескому самомнению»*². При таком отношении он частенько служил разменной монетой в высокой политике, периодически оказываясь в заложниках. Но что характерно, пребывание в подобном качестве явно пошло ему на пользу, ибо он очень хорошо узнал соседей своей страны, их сильные и слабые стороны.

Впервые это произошло, когда старый царь Аминта скончался и на престоле оказался его старший сын Александр. Желая прекратить войну с иллирийцами, он договорился с ними об откупе, и пока не придут деньги, дал в заложники Филиппа. В другой раз, когда этого потребовали обстоятельства, Александр снова отдал своего младшего брата в заложники, на этот раз в Фивы. Это решение сыграло огромную роль не только в становлении личности Филиппа, но и в возвышении Македонского царства. Дело в том, что на тот момент Фивы были самым могущественным полисом Эллады, их армия была лучшей в Греции, а военная доктрина считалась безупречной. В битве при Левктрах, 6 июля 371 года до н. э., фиванцы, под командованием беотарха Эпаминон-

² Плутарх. О судьбе и доблести Александра. Речь вторая, 1.

да, разбили спартанцев, которые считались до этого непобедимыми. Теперь не было силы в Греции, способной противостоять фиванским бойцам.

Звезда Спарты погасла, зажглась звезда Фив. По свидетельству некоторых античных авторов, Филипп жил в доме легендарного стратега Эпаминонда и, судя по всему, научился там многому. Подтверждение этому находим у Юстина: *«Это обстоятельство оказало огромное влияние на развитие выдающихся природных способностей Филиппа, ибо он пробыл три года в качестве заложника в Фивах; в этом городе, где господствовала древняя суровость нравов, в доме величайшего философа и полководца Эпаминонда он еще мальчиком получил прочные основы воспитания»* (VII.5). И что самое главное, молодой человек смог изнутри увидеть всю мощь грозной фиванской армии, ознакомиться с передовыми взглядами фиванских стратегов. Гениальность Эпаминонда заключалась в том, что он никогда не действовал по шаблону, а занимался импровизацией на поле боя, нанося врагу удары там, где тот меньше всего ожидал. Македонский царевич всё это усвоил и сделал далеко идущие выводы. Через много лет он сумеет донести свои мысли о ведении войны до сына и накрепко вобьёт их Александру в голову.

Ведь по большому счёту именно в Фивах Филипп мог увидеть то, что в дальнейшем могло натолкнуть его на мысль о создании македонской фаланги. Некоторые исследователи считают, что воины Эпаминонда сражались более длинны-

ми копьями, чем их противники, что давало им несомненное преимущество в сражении. К этому следует отнести и уплотнение боевых порядков, а также увеличение числа рядов воинов в строю, что добавляло мощи фиванцам при атаке. Знаменитый «косой клин» Эпамнонда произвёл переворот в военной науке того времени, и концентрация всех сил на направлении главного удара стала с тех пор основой основ военного дела. В Фивах Филипп находился около трёх лет, с 368 по 365 год до н. э. и приобщился не только к стратегии, но и к культурным достижениям Эллады.

Пока Филипп обогащался эллинскими ценностями, македонский базилевс Александр был убит, и царём стал другой брат, Пердикка. А когда вскоре погиб и он, вопрос о престолонаследии встал со всей остротой. Все античные авторы отмечают, что к тому моменту, когда у власти оказался Филипп, Македония находилась в критическом состоянии. *«В начале правления этого новичка на престоле многое удручало: гибель преступно умерщвленных братьев и множество врагов, и страх перед кознями, и нищета истощенного постоянными войнами царства. С разных сторон множество народов одновременно, точно составив какой-то заговор против Македонии, пошло на нее войной»* (Юстин, VII, 6). Изначально Филипп правил как регент, ибо законным царём был его племянник Аминта, сын Пердикки. Но ситуация была такова, что стране требовался настоящий базилевс, способный вытащить Македонию из кризиса, в кото-

ром она пребывала. В этот момент интересы Филиппа и народа совпали.

Последний сын Аминты с согласия армии в 359 году до н. э. был провозглашён царем Македонии и сразу оказался в самой гуще политических интриг и заговоров. Что же касается племянника, то к нему Филипп отнёсся в высшей степени гуманно, и это было явно не в традициях македонского царского дома. Он не лишил Аминту жизни, а дал ему приличное воспитание, и впоследствии женил на своей дочери. Но это будет потом, а в данный момент базилевсу Македонии предстояло решить сложнейшую задачу – как спасти государство от надвигающейся катастрофы. С помощью различных обещаний и подкупа Филиппу удалось стабилизировать обстановку на границах и внутри страны. Но он прекрасно понимал всю ненадёжность ситуации как в Македонии, так и за её пределами. Поэтому царь продолжал трудиться не покладая рук. Филиппу удалось с помощью подкупа склонить на свою сторону фракийского царя, и тот казнил одного из претендентов на македонский престол – некоего Павсания, который скрывался во Фракии. Дальше было сложнее, поскольку ещё один претендент, Аргей, пользовался поддержкой Афин. Но Филипп и здесь мастерски решил сложнейшую проблему. Сначала он разгромил претендента на поле боя, а чтобы погасить недовольство в Афинах, пообещал афинянам город Амфиполь, в северном регионе Эгейского моря. Здесь молодой царь действовал по принципу –

сказать можно всё что угодно, а там посмотрим.

По свидетельству Юстина, Филипп прекрасно понимал, что со всеми врагами разом ему не справиться, и поэтому душил их по одному. С некоторыми базилевс вступал в переговоры и заключал договор, от других просто откупался, а третьих атаковал и громил на поле боя: *«победой... ободрил своих павших духом воинов и заставил врагов изменить их презрительное отношение к нему»* (Юстин, VII, 6). Но, несмотря на эти успехи, Филипп понимал всю шаткость своего положения. Поэтому он решает провести в войсках военную реформу, сделать свою армию самой боеспособной в регионе и с её помощью решить все внешнеполитические проблемы.

* * *

Царь знал, что и как надо делать, было очевидно, что он давно всё обдумал. Филипп начал создавать регулярную армию, в которой пехота комплектовалась из крестьян и пастухов, а кавалерия из македонской знати. Уже в этом проявилось отличие созданной им военной системы от армий Эллады, которые комплектовались по милицейскому или наёмному принципу. Что же касается фракийцев и иллирийцев, с которыми македонцы воевали с завидной регулярностью, то они в случае опасности просто собирали ополчение. Изменил базилевс и систему набора войск, поскольку

теперь македонская армия комплектовалась по территориальному принципу, когда из жителей одной области формируют отдельное воинское подразделение. Филипп полагал, что вследствие этого увеличится сплочённость армии. Страна была поделена на военные округа, где в шести набиралась пехота, «малая фаланга» с каждого округа. В пятнадцати округах собиралась конница, одна кавалерийская ила с региона. Это был радикальный шаг в армейской реформе, а все остальные мероприятия царя были лишь его логическим продолжением.

Основой боевого порядка македонской армии Филипп сделал фалангу, состоявшую из таксисов – соединений тяжёлой пехоты, которые набирались в округах Македонии. По мнению П. Коннолли, таксис, в свою очередь, делился на шесть подразделений, состоящих из 256 бойцов, которые назывались синтагма (или спейра), причём синтагма, в свою очередь, делилась на четыре тетрархии. Сразу же резко возросла роль командиров низшего звена, которые стали получать двойное, а то и тройное жалованье по сравнению с рядовым составом фаланги.

Помня эксперименты Эпаминонда, Филипп сделал в своей фаланге два радикальных отличия от классической греческой фаланги – увеличил длину копий и значительно углубил строй. Вместо традиционного копья была введена сарисса, пика длиной до 5,4 м (12 локтей) согласно свидетельству Теофраста. Правда, Полибий пишет о том, что из-

начальная длина сариссы была 7,2 м (16 локтей), и только в эпоху македонского царя Филиппа V она сократилась до 6,3 м (14 локтей). П. Коннолли предположил, что древко сариссы изготавливалось из кизила, а само оно состояло из двух частей, которые соединялись железной муфтой. Эта мера сразу же дала преимущество македонским фалангитам (или сариссофорам) над их противниками. Помимо сариссы каждый воин фаланги был вооружён прямым мечом гоплитов ксифосом. Так же сариссофоры использовали кривые фракийские махайры и её греческий аналог – изогнутый меч копис, предназначенный для рубящих ударов в рукопашной схватке. Тяжёлые клинки этих мечей доходили до 65 см и в умелых руках были страшным оружием.

Значительно было облегчено защитное снаряжение – вместо тяжёлого гоплитского щита был введён небольшой круглый щит, который позволял держать сариссу двумя руками. Как свидетельствуют археологические находки, македонские щиты имели в диаметре от 65 до 75 см, хотя некоторые подразделения имели на вооружении большие щиты греческих гоплитов (в частности, гипасписты).

Также на смену тяжёлым кирасам пришли льняные панцири, которые изготавливались из нескольких слоёв ткани, склеенных между собой и иногда усиленных металлическими пластинами. По словам П. Коннолли, который изготовил такой панцирь: *«Его оказалось трудно надевать из-за жесткости, но, чуть попривыкнув к доспеху, можно было*

ощутить, что в нем легко и удобно двигаться»³.

Шлемы использовали в основном либо фригийского, либо фракийского или халкидского типа, поскольку македонцы совершенно отказались от коринфских шлемов и очень редко пользовались аттическими. Особенно интересны были так называемые фракийские шлемы, чья полумаска изготавливалась в форме усов и бороды.

Но был ещё один принципиальный момент, отличавший новую армию Филиппа. Дело в том, что обеспечение македонской пехоты оружием и доспехами происходило за счет царской казны. Об этом, ссылаясь на Диодора, пишет П. Коннолли. Подобный подход к проблеме был новаторским, и это существенно меняло дело, поскольку ставило армию Македонии в гораздо более выгодное положение по сравнению с другими военными организациями эллинского мира, где подобная практика отсутствовала. Правда, к такой системе обеспечения македонских воинов снаряжением Филипп пришёл не сразу, а по мере роста своих успехов и наполнения золотом государственной казны.

Что же касается увеличения количества рядов, то по сравнению с греческой фалангой, состоявшей из 8 шеренг, глубина фаланги македонской могла меняться в зависимости от обстоятельств от 12 до 16 рядов, а иногда и до 24. Завершив реформирование фаланги, Филипп назвал её бойцов «пеши-

³ Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М.: Эксмо, 2009. С. 52.

ми товарищами», тем самым как бы уравнив с конной гвардией – гетайрами.

Помимо пехотных частей фалангитов или сариссофоров, входивших в состав фаланги, было ещё одно подразделение тяжёлой пехоты, которое называлось «щитоносцы», или гипасписты. По своему снаряжению эти воины напоминали греческих гоплитов, поскольку вместо пика были вооружены обычными копьями, и размер щитов у них был гораздо больше, чем у фалангитов. В бою гипасписты прикрывали наиболее уязвимые участки боевого строя сариссофоров – фланги, и одновременно служили связующим звеном между фалангой и кавалерией. «Щитоносцы» были сведены в три хилярхии по 1000 воинов в каждой и отличались от фаланги очень большой мобильностью. Из них же формировалась и «агема» – пешая гвардия македонских царей. Арриан называет её «агема щитоносцев» (III,11), а служивших в ней гипаспистов «царские щитоносцы» (III,13). Лёгкая пехота была представлена в основном народами, жившими в горах и находившимися в той или иной зависимости от Македонии – агрианами, фракийцами и иллирийцами. Что же касается лучников, то царские стратеги вербовали их на острове Крит, который славился своими меткими стрелками на всё Восточное Средиземноморье.

Кавалерия при Филиппе стала важнейшим родом войск в македонской армии и делилась на лёгкую конницу и тяжёлую – в зависимости от вооружения и задач, которые прихо-

дилось решать. Недаром Г. Дельбрюк считал именно македонских царей создателями регулярной конницы: *«В таком случае можно сказать, что первая кавалерия была создана македонянами. Образовать тактические единицы из всадников по многим причинам... гораздо труднее, чем создавать пехотные единицы»*⁴.

Тяжёлая кавалерия гетайров (товарищей) формировалась из представителей македонской знати, как и пехота по территориальному принципу. Именно она была главной ударной силой армии Филиппа. Это конное соединение подразделялась на илы, которыми командовали илархи. Численность илы определяют в 210 всадников и лишь «царская ила» (Арриан, III, 11), которую водил в бой сам базилевс, состояла из 300 кавалеристов. Впрочем, 300 было традиционным числом для элитных отрядов греческих полисов, достаточно вспомнить спартанских гипеев и фиванский «Священный отряд». А Филипп, как мы помним, заимствовал у эллинов много полезных вещей, поскольку очень хорошо знал военную организацию Фив.

В рядах гетайров служил цвет македонской аристократии, многие из бойцов этого подразделения получали от царя за службу земельные наделы. Дисциплинированные и организованные, эти наездники были вооружены длинными копьями, а для ближнего боя имели на вооружении махайру – кри-

⁴ Дельбрюк. История военного искусства. Т.1. СПб.: Наука: Ювента, 2001. С. 137.

вой рубящий меч. Из защитного снаряжения гетайры носили бронзовые фессалийские шлемы и льняные панцири, усиленные металлическими пластинками. Впрочем, были исключения, из которых самым наглядным примером является железный панцирь, найденный в царской могиле в Вергине в 1977 году. Он изготовлен из четырёх пластин, украшенных золотыми полосками – передней, задней и двух боковых. Гетайры атаковали, построившись клином, стараясь нанести удар во фланг, но в случае необходимости могли и лобовой атакой развалить вражеский строй. О том, использовали они щиты в бою или нет, исследователи так и не пришли к единому мнению. О том, насколько сокрушительной была атака македонской конницы, писал ещё Фукидид: *«Никто не мог выдержать атаки македонян, так как это были искусные всадники, защищенные броней»* (II,100).

Судя по всему, в состав тяжёлой кавалерии входило и подразделение сариссофоров, всадников, которые, так же как и гетайры, были защищены доспехами, но вместо копий были вооружены сариссами. Сравнивая их с гетайрами, Дельбрюк приходит к выводу о том, что разница между двумя отрядами в вооружении и снаряжении была незначительная и, возможно, что она заключалась только в происхождении воинов. В сражении сариссофоров использовали, как и гетайров, для прорыва вражеских боевых порядков.

Помимо частей конницы, которые формировались непосредственно в Македонии, в войсках Филиппа присутство-

вали кавалерийские контингенты из сопредельных земель. После того как базилевс покорил Фессалию, в ряды македонской армии влились отряды великолепной фессалийской конницы. Эта тяжёлая кавалерия, как и подразделение гетайров, формировалась из аристократов и по праву считалась лучшей конницей Греции, боевые традиции фессалийцев уходили корнями в легендарные времена. По своему вооружению они не отличались от гетайров, правда, для атаки выстраивались не клином, а ромбом.

Лёгкая кавалерия армии Филиппа состояла из подразделения продромов, а также отрядов пеонийской и фракийской конницы. Насчёт этнической принадлежности продромов бытуют разные мнения, одни исследователи считают их собственно македонцами, другие же склоняются к тому, что они набирались из фракийцев. Последнее вряд ли, поскольку Арриан чётко отделяет их от последних, когда перечисляет подразделения лёгкой конницы в армии Александра, «*фракийцев, продромов и пеонов*». Но как бы то ни было, фактом остаётся то, что командовали продромами именно македонцы. Задачей этих быстрых наездников было вести дальнюю и ближнюю разведку, нападать из засад на противника, а при победе преследовать разбитого врага. Их защитное снаряжение было достаточно лёгким, вооружены они были дротиками и короткими копьями. То же самое можно сказать о пеонийских и фракийских всадниках, которые набирались среди указанных племён. Базилевс мастерски использовал мо-

бильные войска, и данный факт был отмечен его противниками: «*вы слышите, что Филипп проходит, куда ему угодно, не с помощью войска гоплитов, но окружив себя легковооруженными конницей, стрелками, наемниками – вообще войсками такого рода*» (Демосфен, «Третья речь против Филиппа», 49).

Именно при Филиппе II в македонской армии стремительно развивается искусство осады городов, а военные инженеры входят в армейскую элиту. В это же время в армии появляется корпус осадной артиллерии, которую будут применять и в полевых условиях, а также отряды специалистов для строительства осадной техники, переправ и мостов. Благодаря им станут возможны успехи Александра Великого при осадах Галикарнаса, Тира, Газы, согдийских скал и индийских крепостей.

Но самым главным, что, по мысли автора военной реформы, должно было отличать армию Македонии от всех остальных военных организаций эпохи, была чёткая взаимосвязь всех подразделений на поле боя. Фаланга не может победить сама по себе, без поддержки остальных родов войск, да и одной кавалерией битвы не выиграешь. А взаимодействие между фалангой, конницей и легкой пехотой отрабатывается долгими часами тренировок и беспощадной муштрой. Но Филипп к этому был готов и лично занимался обучением армии. Свидетельство того, как царь муштровал своих солдат, оставил Полиен: «*Филипп приучал македонцев к посто-*

янным упражнениям в мирное время как в реальном деле. Так он часто заставлял их маршировать по 300 фарлонгов (60 км), неся с собой шлемы, щиты, поножи и копья, а сверх того еще провизию и прочую утварь» (IV,10).

Базилевсу удалось создать такую военную машину, что соседям просто-напросто нечего было ей противопоставить. Созданная Филиппом армия была настолько совершенной и надёжной, что незначительные военные реформы его сын стал проводить лишь после военного разгрома державы Ахеменидов в битве при Гавгамеллах, во время похода в Среднюю Азию. И то лишь потому, что изменилась как политическая, так и стратегическая ситуация, да тактическая обстановка требовала новых методов ведения войны.

Филипп II буквально с чистого листа создал армию, отвечающую всем требованиям времени, и с этого момента в истории Македонии наступила новая эпоха.

* * *

Впрочем, Филиппа интересовали не только военные дела. Базилевс много общался с деятелями культуры и науки своего времени, недаром в недалёком будущем он столь прозорливо подберёт наставника своему сыну. Клавдий Элиан пишет, что *«Филипп Македонский, как известно, был не только сведущ в военном деле и не только обладал даром красноречия, но также умел высоко ценить образован-*

ность» (IV,19). Царь был очень интересным собеседником, а его чувству юмора можно было позавидовать. Характерен эпизод с врачом Менекратом, которого обуяла мания величия. Почувствовав себя человеком со статусом, служитель Асклепия стал называть себя Зевсом – скромно и со вкусом. Написав однажды базилевсу письмо, он начал его довольно странными словами: *«Менекрат-Зевс желает Филиппу здравствовать»*. На что получил убийственный ответ: *«Филипп желает Менекрату здорового ума»*.

Но дело этим не кончилось. Раздувшийся от чувства собственной значимости врач намёка не понял, и тогда царь решил проучить зазнайку. Устроив пир, он распорядился поставить для медицинского светила отдельное ложе, а рядом с ним установить курильницу для жертвенных благовоний. И когда самозванный Зевс явился, то его торжественно усадили на это почётное место и стали воскурять благовония как небожителю. Легко догадаться, что творилось в тщеславной душе Менекрата и какое он испытывал наслаждение от божественных почестей! Но вскоре его организм стал испытывать чувство голода, поскольку благовониями сыт не будешь. Однако еды врачу никто не предлагал. И пока сидевшие за столами македонцы объедались и упивались, новоявленное божество, глядя на них, молча глотало слюни. В итоге, не выдержав насмешки и крикнув, что его оскорбили, врач подобрал хламиду и убежал с пира. *«Так Филиппу остроумно удалось выставить напоказ глупость Менекрата»* – подвёл

итогу попытке собственного обожествления Клавдий Элиан (XII,51).

Наиболее точную характеристику Филиппа II как государственного деятеля дал Юстин: *«Царь этот больше любил оружие, чем пиры, и самые огромные богатства были для него только средствами для войны; он более заботился о приобретении богатств, чем об их сохранении, поэтому, постоянно занимаясь грабежом, он постоянно нуждался. К милосердию и к вероломству он был одинаково склонен. Любой прием, который вел к победе, не был постыдным в его глазах. В беседах был и льстив и коварен, на словах обещал больше, чем выполнял. Мастер и на серьезные дела и на шутки. Друзей ценил по выгоде, а не по достоинству. Ненавидя, притворяться милостивым, сеять ненависть между двумя друзьями и при этом ладить с обоими – вошло у него в привычку. Как оратор, он был красноречив, изобретателен и остроумен; изощренность его речи сочеталась с легкостью, и сама эта легкость была изощренной»* (X,8).

Критически относится к личности базилевса Павсаний: *«Всякий мог бы согласиться, что из всех македонских царей, бывших до и после Филиппа, никто не показал примеров более великих подвигов, чем он. Но справедливо мыслящий человек не назвал бы его хорошим полководцем: клятвы именем богов он всегда попирал, договоры при всяком случае нарушал и данного слова он бесстыдно не выполнял больше, чем кто-либо другой из всех людей»* (VIII,7). Понимая, что

иногда силой ничего не добьёшься, Филипп с лёгкостью заключал союзы и с такой же лёгкостью их разрывал. *«Мальчиков надо обманывать, когда играешь с ними в кости, а мужчин, когда даёшь им клятвы»* (Клавдий Элиан, VII, 12) – вот одно из любимых изречений царя Македонии, который в отличие от своего сына всё-таки в большей степени предпочитал пользоваться дипломатией, чем оружием.

В 359 году до н. э. Филипп совершил поход против пеонийцев и нанёс им поражение, после чего их князья были вынуждены признать зависимость от Македонии, а великолепная пеонийская конница пополнила ряды её армии. Момент истины наступил в следующем году, когда Филипп с армией численностью 10 000 пехоты и 600 всадников выступил против иллирийского царя Бардилла, захватившего ряд македонских городов. Навстречу ему двинулись отряды иллирийцев, общая численность которых равнялась армии царя Филиппа. В этом сражении вопрос стоял не только о возвращении занятых врагом территорий, в нем фактически решалось будущее Македонии – останется ли она второстепенной державой на периферии античного мира, постоянно борющейся за выживание, или займёт ведущее положение на севере Балканского полуострова. Битва была жесточайшей, её исход решили удар македонской кавалерии в тыл врага и атака отборных войск под командованием самого царя по центру вражеских позиций. Молот и наковальня – этот принцип ведения боевых действий ляжет в основу военного искусства

Филиппа и его сына Александра. Все основные положения македонской военной доктрины зарождались именно здесь, в боях с северными племенами. Разгром был полный, 7000 иллирийцев вместе с царём остались на поле боя.

После этой победы армия базилевса совершила рейд по вражеским территориям, обошла вокруг Лихнидского озера, покорила окрестные племена и вернулась в Македонию. Иллирийцы были вынуждены заключить с Филиппом выгодный для царя мир. Благодаря этим победам, базилевс достиг успехов не только на международной арене, но и укрепил своё положение внутри страны.

Следствием разгрома иллирийцев стало и другое мероприятие Филиппа – поход в Фессалию. И дело было даже не в том, что равнина Фессалии была плодородной и сама по себе представляла богатую добычу, Юстин конкретно указывает, что царь очень хотел видеть в рядах своей армии прославленную фессалийскую конницу. Не задумываясь над тем, хорошо он поступает или плохо, Филипп внезапно напал на Фессалию и застал своих противников врасплох. Главный город фессалийцев Ларисса был захвачен македонцами, сопротивление греков было сломлено, и война закончилась, так толком и не начавшись. Цель базилевса была достигнута, фессалийские аристократы склонились перед ним и стали сражаться под знамёнами Филиппа.

Вот теперь царь почувствовал себя очень уверенно и решил продемонстрировать силу непосредственно эллинам.

Пидна, Потидея Амфиполис, который был обещан Афинам, все эти города, расположенные поблизости от границ Македонии, Филипп прибрал к рукам. Македонскую военную машину было уже не остановить, и в 355 году до н. э. на фракийском побережье Эгейского моря были захвачены греческие полисы Абдера и Маронея.

При этом надо обязательно помнить, что Афины времён Филиппа II – это не Афины времён Перикла. У афинян уже не было возможностей контролировать свои интересы в дальних регионах, и македонский царь это прекрасно понимал. Осада и захват афинской колонии Мефоны в 354 году до н. э. лишний раз подтвердил данный факт. Желая покончить с влиянием афинян на побережье Фермийского залива⁵, македонский царь осадил город и начал готовить генеральный штурм. Горожане некоторое время оказывали сопротивление, но, видя решительный настрой Филиппа, а также отсутствие помощи, решили капитулировать. Условия были жёсткие: жителям разрешалось покинуть город в одной лишь одежде, Мефона должна быть разрушена, а земли её распределены между македонцами. Правда, во время осады македонский царь едва не погиб, пущенная со стены стрела ударила его в глаз. Филипп лишился глаза, стрелка распяли, а город перешёл под власть Македонии. Благодаря захватам на севере, македонский царь установил контроль над золо-

⁵ Фермийский залив (залив Термиакос). Залив Эгейского моря на севере Греции, на берегу которого находится город Фессалоники.

тыми рудниками горы Пангей, и денежки ручейками потекли в его казну.

Заняв город Крениды, базилевс дал ему своё имя и переименовал в Филиппы. Именно там в октябре 42 года до н. э. и состоится знаменитая битва между армиями Марка Антония и Октавиана с одной стороны и войсками Брута и Гая Кассия с другой. Но это произойдет нескоро, пока же царь Македонии расширил городскую территорию, заселил её новыми жителями и отправился на находившиеся рядом золотые прииски. Видя, что они приносят незначительный доход, Филипп распорядился улучшить производство и выделить для этого необходимые средства. Как следствие, прииски стали приносить в год более 1000 талантов дохода, а базилевс начал чеканить золотые монеты, которые, по свидетельству Диодора, стали известны как филиппики. Македонская казна росла как на дрожжах, а вместе с ней рос и престиж державы. Филипп прекрасно понимал, что без денег много не навоюешь, но теперь ситуация менялась в корне.

С каждым годом могущество Македонии стремительно росло, и уже не было в регионе силы, которая могла бы этот рост остановить. С одной стороны были неорганизованные варварские племена, с другой – ослабленная смутами и распрями Греция. Да и держава Ахеменидов, которая теоретически могла бы вмешаться, переживала далеко не лучшие времена. Царская армия вела боевые действия в любое время года, в любых погодных условиях и на любой местной-

сти. Недаром по данному поводу сокрушался самый яркий и упёртый противник македонского царя, знаменитый афинский оратор Демосфен. В «Третьей речи против Филиппа» он заявил следующее: *«И я не говорю уж о том, что ему совершенно безразлично, зима ли стоит в это время или лето, и он не делает изъятия ни для какой поры года и ни в какую пору не приостанавливает своих действий»* (50).

С 359 по 354 год до н. э. Македония находилась в состоянии непрерывной войны с соседними народами и племенами, но в итоге на Балканах родилась могущественнейшая держава. Её царь уже мог позволить себе вмешиваться в дела Эллады.

* * *

В 357 году до н. э. Филипп II женился на сестре эпирского царя Аррибы Олимпиаде. При рождении её называли Поликсена, а до свадьбы она носила имя Миртала, имя Олимпиада дал ей уже Филипп в честь македонских побед на состязании в Олимпии. Плутарх рассказывает, что их знакомство произошло на острове Самофракия, где молодых людей посвящали в таинства культа подземных богов Кабиров. Учёный грек отмечает, что брак был заключён по любви и инициатором его был Филипп, хотя, вне всякого сомнения, здесь присутствовал и политический интерес. Союз с царским домом Эпира был выгоден для Македонии, особенно во время

войны против Иллирии. То же самое можно было сказать и о Аррибе, который в случае беды всегда мог рассчитывать на помощь могущественного зятя.

Миртала же была царицей во всех лучших и худших смыслах этого слова. Умная, решительная, преданная своей семье и одновременно мстительная, коварная, отличавшаяся необыкновенной жестокостью, которая ужасала современников. Она свято верила в то, что её древний род происходит от богов, считала Ахиллеса своим предком, а принцип божественности царской власти ставила превыше всего. Если к этому добавить, что она была жрицей культа Кабиров, то мы увидим, какую взрывоопасную смесь представлял характер этой женщины. Культ Кабиров греки заимствовали у древнейших жителей Балкан, пеласгов, а к ним он, в свою очередь, пришёл из Азии. В понимании эллинов, Кабиры – это великие боги, имевшие силу избавить человека от бед и опасностей, но в то же время они считались грозными божествами, карающими за проступки. Их культ был древнейший, олимпийские боги в их классическом понимании ещё не заселили Олимп, когда Кабирам уже поклонялись. По одному из мифов, они присутствовали даже при рождении Зевса.

Племя молоссов, откуда происходил род Мирталы, в стародавние времена проживало в Фессалии, а затем переселилось на земли к северу от Амбракийского залива. Другая часть молоссов ушла вместе с ионийцами в Малую Азию,

где и познакомилась с культом Кабиров. Связь молоссов с Балкан с молоссами Азии и островов Эгеиды могла способствовать проникновению этого культа непосредственно в Эпир. Не случайно Миртала находилась на Самофракии, когда встретила с Филиппом, Эпирское царство далеко от этого острова. Мистерии Самофракии по своей популярности были равны Элевсинским мистериям, а потому нет ничего удивительного в том, что Миртала там оказалась. Другое дело, что там делал Филипп, который довольно прохладно относился к религии. Хотя вполне возможно, что он и прибыл туда из-за эпирской царевны.

Интереснейшие сведения сообщает о таинствах культа Кабиров и Миртале Плутарх: *«Издревле все жёницы той страны участвуют в орфических таинствах и в оргиях в честь Диониса; участниц таинств называют клодонками и мималлонками, а действия их во многом сходны с обрядами эдонянок, а также фракиянок, живущих у подножья Гемоса (этим последним, по-моему, обязано своим происхождением слово „фрэскэуэйн“, служащее для обозначения неумеренных, сопряжённых с излишествами священнодействий)». Олимпиада ревностнее других была привержена этим таинствам и неистовствовала совсем по-варварски; во время торжественных шествий она несла больших ручных змей, которые часто наводили страх на мужчин, когда, выползая из-под плюща и из священных корзин, они обвивали тирсы*

и венки жещин»⁶ (2). Только змей македонскому царю и не хватало! Но проблемы с пресмыкающимися у Филиппа начнутся позже, а пока ничего не предвещало грядущих бед. В 356 году до н. э. у семейной пары родился сын Александр, а позднее дочь Клеопатра.

Потомок Ахиллеса

*Воспитание нуждается в трёх вещах:
в даровании, науке, упражнении.*

Аристотель

Александр Македонский, он же Великий, он же сын Аммона, Искандер Двурогий, и прочая, прочая, прочая, родился 21 июля 356 года до н. э. в столице Македонии Пелле. В наши дни от бывшего великолепия осталось немного, лишь жалкие руины царского дворца, агоры, и нескольких домов. Зато в Пелле есть очень интересный археологический музей, где выставлены мозаики, предметы быта и украшения, найденные во время раскопок. Уже после, задним числом, придумают кучу разных пророчеств и знамений о грядущей великой судьбе Александра, но, на мой взгляд, интересно только одно. Потому, что оно привязано к конкретным историческим событиям: *«Филипп, который только что завоевал Потидею, одновременно получил три известия: во-*

⁶ Цитаты Плутарха, за исключением сносок, даны по: Сравнительные жизнеописания. Александр.

первых, что Парменион в большой битве победил иллирийцев, во-вторых, что принадлежавшая ему скаковая лошадь одержала победу на Олимпийских играх, и, наконец, третье – о рождении Александра. Вполне понятно, что Филипп был сильно обрадован, а предсказатели умножили его радость, объявив, что сын, рождение которого совпало с тремя победами, будет непобедим» (Плутарх, 3). Не думаю, что подобное предсказание родилось на пустом месте, все события явно достоверные, и не исключено, что они просто совпали по времени.

Образованием будущего царя занялись очень основательно, на самотёк ничего пущено не было. Ребенок до семи лет находился под наблюдением матери, а затем начиналось общеобразовательное воспитание. Аристотель устанавливал четыре основных предмета, которые входили в систему начального образования эллина: грамматику, гимнастику, музыку и иногда рисование. В том же, что маленького царевича обучали по греческой системе, сомневаться не приходится, лучше на тот момент просто ничего не придумали. Исходя из этой системы, в процессе обучения могли даваться общие знания по геометрии, астрономии, арифметике, политике и географии. Всё было поставлено так, чтобы ученики имели достаточно широкий кругозор для своего времени и могли на практике использовать полученные знания. Очень большое внимание уделялось спортивному развитию, дети состоялись в беге, прыжках, метании копья и диска, упражнялись

в борьбе. Причем тренировались с большим усердием, соревнуясь друг с другом.

Помимо точных наук и спортивного развития, образованный и воспитанный человек должен был быть знаком с музыкой, уметь играть на каком-либо инструменте, например арфе, лире, либо флейте. И знать греческую литературу. Причем не только для того, чтобы блеснуть в обществе удачно вставленной в беседу цитатой, а для того, чтобы с детства иметь перед собой образцы для подражания в виде героев мифов и легенд: *«С самого начала обучения, таким образом, полагалось обращать внимание не только на литературные достоинства прочитанного, но и на то, чтобы одновременно использовать содержание, тему, героев того или иного произведения в целях воспитания. Чтение древних авторов должно было вести ученика к гражданскому и этическому идеалу»*⁷. Соответственно и Александр для себя такой идеал нашёл и всю свою дальнейшую жизнь старался ему не только подражать, но и превзойти, насколько это было возможно. Но об этом будет рассказано ниже.

Великое множество учителей, наставников и воспитателей окружало маленького царевича, *«во главе которых стоял родственник Олимпиады Леонид, муж сурового нрава»* (Плутарх, 5). Раз родственник Олимпиады – Мирталы, значит молосс, и соответственно из этого вытекает всё

⁷ Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М.: Высшая школа, 1988. С. 198.

остальное. В Элладе отношение к молоссам было своеобразным, поскольку за ними признавали лишь греческое происхождение, но не более. Из-за того, что молоссы смешались с местными племенами, их самих стали считать наполовину варварами, несмотря на то, что они завладели оракулом Додоны. И если человек из этого племени становится воспитателем маленького царевича, то, наверное, для этого были веские основания. Несомненно, что решающую роль в этом назначении сыграла Миртала.

Родословная у Александра была такой, что лучше не придумаешь – по отцу происходил от Геракла, по матери – от Ахиллеса. В Элладе больше почитался Геракл, причем не только как величайший герой, но и как бог. Однако маленький царевич выбирает себе кумиром Ахиллеса, и не просто им восхищается, а всю свою жизнь будет подражать мирмидонцу. С чего бы это? Вне всякого сомнения, что в детстве Александр находился под сильнейшим влиянием своей матери, эпирской царевны, жрицы культа Кабириов. И она, и молосс-воспитатель рассказывали ему о легендарном предке, благо было что поведать. Детские впечатления являются самыми яркими, и образ неуязвимого воина навсегда отпечатался в детской душе царевича. И Гераклу, герою тоже не из последних, места там уже не осталось. Но был ещё один нюанс, почему именно Ахиллес был ближе Александру – **он был царём**. Геракл им не был никогда, а Ахиллес был. Пусть не у великого народа, а у небольшого племени мирмидон-

цев, но всё же царём. Принцип божественности царской власти и собственной исключительности, вот что мать внушала ребёнку с детства, и он это накрепко усвоил, чувствуя себя царём и по рождению и по призванию. Это молосское воспитание не имело никакого отношения к демократическим ценностям Эллады, и когда Александр подрос, то чётко осознавал своё место в мире. Примером этого может служить случай, рассказанный Плутархом: *«Однажды, когда приближенные спросили Александра, отличавшегося быстротой ног, не пожелает ли он состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: „Да, если моими соперниками будут цари!“»* (4). Самомнение сына Филиппа росло вместе с ним.

Именно Миртала, жрица древнейшего культа Кабиров, могла внушить сыну веру в его божественное предназначение и в то, что он находится под покровительством богов. В дальнейшем подобные разговоры приняли несколько иное направление, и речь в них пошла уже о божественном происхождении царевича. Наверное, здесь и надо искать ответ на то, почему Великий Македонец на протяжении всей жизни столь сильно и самозабвенно верил в свою счастливую звезду. В то, что удача никогда ему не изменит, а божество всегда поможет.

Но удача удачей, а Александр так же верил в себя. *«Муж сурового нрава»* Леонид, держал своего воспитанника в строгости, не давал никаких поблажек и на корню пресекал все попытки смягчить режим царевича. Что однозначно пошло

на пользу Александру: «Еще в детские годы обнаружилась его воздержанность: будучи во всем остальном неистовым и безудержным, он был равнодушен к телесным радостям и предавался им весьма умеренно; честолюбие же Александра приводило к тому, что его образ мыслей был не по возрасту серьезным и возвышенным» (Плутарх, 4). Легендарное укрощение коня Букефала полностью соответствовало воспитательному процессу царевича – не бояться трудностей и правильно оценивать ситуацию. Спартакское воспитание сурового молосса в дальнейшем сослужит Александру добрую службу. Тяготы длительных походов в самых разных природных и климатических условиях завоеватель будет переносить стойко, являя пример выдержки и выносливости для своих солдат.

Как видим, воспитание царевича не ограничивалось исключительно классическими греческими программами, немалую роль играл и молосский фактор. Поэтому при оценке дальнейших поступков Александра всегда надо помнить, что он македонец только наполовину, по матери наследник Филиппа молосса. И то, что в него заложили в раннем детстве, рано или поздно проявится.

* * *

У эпоса с Ахиллесом было продолжение. В царском дворце объявился некий акарнанец Лисимах и стал очеред-

ным наставником маленького царевича. Плутарх отмечает, что человек этот не выделялся какими-либо достоинствами, кроме умения льстить и втираться в доверие. Хитрец Александра величал Ахиллесом, себя называл его наставником Фениксом, а царя Филиппа Пелеем, отцом легендарного героя. Понятно, что наследнику престола такие параллели очень нравились, но Филипп-то куда смотрел? Хотя вполне возможно, что базилевс всё понимал, но просто решил до поры до времени не вмешиваться и махнул рукой на все выходы новоявленного Феникса. Чем бы дитя не тешилось!

Лисимах умудрился занять среди воспитателей царевича второе место, хотя все прекрасно понимали, что причиной такого успеха были не его глубокие познания в науках, а умение тонко льстить. При этом обратим внимание на то, что Лисимах был родом не афинянин, не спартанец, не коринфянин, а акарнанец. Выходец из богами забытого региона на западе Греции. Соответственно, никакого подробного и углублённого знакомства с ценностями Эллады он своему воспитаннику дать не мог. Молоссы и акарнанцы были практически соседи и вряд ли познания Лисимаха в греческой культуре были больше, чем у *«мужа сурового нрава»* Леонида. Чему акарнанец мог научить Александра, видно из рассказа Плутарха, да и ценили его, судя по всему, только один Александр и Миртала.

Таковы были приближённые к царевичу воспитатели, остальные учителя и педагоги занимались лишь тем, что пре-

подавали естественные и точные науки. Но был у мальчика ещё один учитель, лучше которого никто в Ойкумене⁸ не знал ни науки царствовать, ни науки воевать, – его отец. Вот от кого сами боги велели царевичу набираться ума-разума. Филипп не был теоретиком, он был практиком, и всю науку власти базилевс постигал сам, поскольку никто его не учил. Македонский царь потом и кровью достиг всего, что имел. Судя по всему, он прекрасно понимал своего сына, и как свидетельствует Плутарх, знал, как к нему подступиться: *«Филипп видел, что Александр от природы упрям, а когда рассердится, то не уступает никакому насилию, но зато разумным словом его легко можно склонить к принятию правильного решения; поэтому отец старался больше убеждать, чем приказывать»* (7). Базилевсу было чему научить будущего царя, а мальчик старался запомнить всё, что говорил отец.

Своими познаниями Александру удалось блеснуть во время приёма персидских послов, которые прибыли в македонскую столицу во время отсутствия Филиппа. Наследник не растерялся, а проявил самостоятельность, и сам принял послов Царя царей. При этом вёл себя радушно и приветливо, активно участвуя в завязавшейся беседе. Вопросы, которые задавал царевич, были явно не детские: какова протяжённость дорог в Персидской державе, какими способами поданные Великого царя путешествуют по своей стране, силь-

⁸ Ойкумена – так древние греки называли обитаемый мир.

на ли персидская армия? И вообще, каков из себя Царь царей и насколько он храбр на поле боя? Вопросы Александра повергли персов в ступор, они явно не ожидали от царевича такой прыти и уверенности в себе. Значит, недаром ели свой хлеб учителя и педагоги, не зря Филипп лично занимался с сыном.

Проблема была в том, что базилевс Македонии много времени проводил в походах, а государственные дела также отнимали массу времени. Поэтому воспитанием наследника ему приходилось заниматься от случая к случаю. Мы помним, что сам базилевс в молодые годы нормального образования не получил и наверстывал упущенное уже в зрелом возрасте. Исходя из личного печального опыта, царь очень хотел, чтобы Александр получал систематическое и самое лучшее образование. Чтобы сын не только в совершенстве усвоил науку управления государством, но и приобщился к величайшей культуре Эллады. Филипп знал, как воспитывали ребёнка, и понимал, что, имея за плечами культурный багаж из одних молосских преданий, далеко не уедешь.

Ещё со времён базилевса Александра I македонские цари начали привечать при своём дворе греческих учёных и философов. Недаром именно этому царю за его заслуги перед Элладой во время нашествия Ксеркса было даровано исключительное для иноземца право посещать Олимпийские игры. Стремление приобщиться к эллинской культуре, впитать в себя все её достижения, было присуще не только правите-

лям Македонии, но и их ближайшему окружению. Многие греческие обычаи и правила постепенно проникали в обиход македонской знати, и со временем это стремление только усилилось. Понимая, что и его сыну пора приобщаться к достижениям цивилизации, Филипп уделил этому вопросу большое внимание. Да и по возрасту Александр приближался к тому порогу, когда приходила пора заниматься серьёзными науками и постигать тонкости мироустройства. Царевичу нужен был наставник, но не просто хороший, а лучший из лучших, причем это должен был быть человек, которому Филипп мог доверять. И тогда в Пелле появился Аристотель.

* * *

Аристотель происходил из города Стагиры, греческой колонии на полуострове Халкидика. Его отец, Никомах, был потомственным лекарем, и это искусство передавалось в семье из поколения в поколение. Большое значение имел тот факт, что Никомах был врачом при дворе отца Филиппа II, Аминты, и будущий царь знал лично как его самого, так и Аристотеля. Поэтому решение Филиппа не удивляет. Сын Никомаха был не только величайшим учёным, но ещё и тем человеком, на которого македонский царь мог всецело положиться. Определенную роль в этом назначении могло сыграть и то, что отношения философа с Афинами, городом, который был главным врагом Филиппа на международной

арене, были очень натянутыми. Таким образом, назначение именно Аристотеля на столь ответственный пост было следствием ряда причин, и выбор Филиппа был далеко не случайным.

Серьезное обучение Александра началось в 343 году до н. э. Базилевс понимал, что Аристотель является одним из самых знаменитых и образованных философов Эллады, а потому на вознаграждение решил не скупиться. По большому счёту Филипп никогда не мелочился, и деньги для него были лишь одним из средств на пути к достижению цели. Вот и в данном случае македонский царь явил свою щедрость, восстановив из руин родной город Аристотеля Стагиру, который сам же до этого и разрушил. Всех горожан, которые либо находились в бегах, либо были проданы в рабство, по приказу базилевса разыскали и вернули по домам.

Что и говорить, Филипп сделал очень широкий жест, и великий учёный должен был это оценить. Но для Аристотеля это приглашение было важно ещё и тем, что мальчик, обучением которого он должен был заняться, со временем станет правителем самого могущественного государства региона, и не исключено, что со временем сможет подчинить Элладу. В пользу того, что именно сам процесс обучения наследника являлся для учёного приоритетным, говорит тот факт, что он даже не попытался занять при македонском дворе видное положение. Стать особой, близкой к базилевсу, или царским советником. Чтобы шумный македонский двор не ме-

шал процессу обучения, Филипп выделил для занятий около города Миезы небольшую рощу, где в тени деревьев философ прогуливался со своими учениками. В наши дни на территории Миезы ведутся археологические раскопки, найдены остатки школы, где преподавал Аристотель, а также небольшой античный театр.

Юстин пишет о том, что *«мальчик с большим рвением учился наукам»* (XII,16). Процесс обучения наследника значительно облегчало то, что, по свидетельству Плутарха, Александр от природы имел пытливый ум и был склонен к чтению книг и изучению наук. Это увлечение сохранилось у него на протяжении всей жизни: *«Так как в глубине Азии Александр не имел под рукой никаких иных книг, Гарпал по приказу царя прислал ему сочинения Филиста, многие из трагедий Эврипида, Софокла и Эсхила, а также дифирамбы Телеста и Филоксена»* (8). Вместе с наследником в Миезе находились сыновья македонской знати, которым в дальнейшем предстояло стать ближайшим окружением будущего царя. Без сомнения, это было сделано по распоряжению многомудрого Филиппа, который хотел, чтобы его преемник имел вокруг себя людей, хорошо знакомых с детства и преданных ему лично. Обучение продолжалось около трёх лет, и за это время Александр ознакомился не только с практическими науками, но и познакомился с взглядами философа на управление государством.

О том, каких взглядов на воспитание придерживался ве-

ликий учёный, лучше всего ответил он сам, в «Этике Никомаха»: «Ясно, что ни одна из нравственных добродетелей не врождена нам по природе, ибо всё природное не может приучаться к чему бы то не было. Так, например, камень, который по природе падает вниз, не приручишь подниматься вверх, приучай его, подбрасывая вверх хоть тысячу раз; а огонь не приучится двигаться вниз, и ничто другое, имея по природе некий образ существования, не приучится к другому.

Следовательно, добродетели существуют в нас не от природы и не вопреки природе, но приобрести их для нас естественно, а благодаря приучению, мы в них совершенствуемся.

Далее, всё то, чем мы обладаем по природе, мы получаем сначала как возможность, а затем осуществляем в действительности...

Потому-то нужно определить качества деятельностей; в соответствии с их различиями различаются и устои. Так что вовсе не мало, а очень много, пожалуй даже всё, зависит от того, к чему именно приучаться с самого детства» (II,1).

Из этого следует, что усвоение основных норм и понятий, необходимых для жизни, должно производиться, по Аристотелю, не путем простого заучивания, а путем приучения, т. е. частой практикой. Не менее важно также указание философа на то, что в процессе обучения должны быть учтены

природные данные и особенности воспитуемого. Таким образом, тот результат, который возникает по итогам воспитательной практики, не является порождением природных данных или только следствием привитых привычек, но соответствующим синтезом того и другого.

Я не буду подробно разбирать теоретические воззрения великого философа по данному вопросу, это заняло бы уйму времени, да и не они являются целью данной работы. Отмечу лишь, что, исходя из сообщения Плутарха, Александр в совершенстве *«усвоил учения о нравственности и государстве»*. Усвоить-то усвоил и выводы сделал, а когда стал повелителем огромной державы, то поступил с точностью наоборот, что тот же Плутарх и засвидетельствовал: *«Он не последовал совету Аристотеля обращаться с греками как предводитель, заботясь о них как о друзьях и близких, а с варварами как господин, относясь к ним как к животным или растениям, что преисполнило бы его царство войнами, бегством и тайно назревающими восстаниями»*⁹.

Плутарх делает очень интересное наблюдение, когда рассуждает о том, что политические воззрения Александра оказались гораздо ближе к системе взглядов основателя стоической школы Зенона (490 до н. э. – 430 до н. э.), чем Аристотеля. Воззрения эти *«сводятся к единственному положению – чтобы мы жили не особыми городами и общинами, управляемыми различными уставами, а считали бы всех людей*

⁹ О судьбе и доблести Александра. Речь первая, 6.

своими земляками и согражданами, так чтобы у нас была общая жизнь и единый распорядок, как у стада, пасущегося на общем пастбище. Зенон представил это в своих писаниях как мечту, как образ философского благозакония и государственного устройства, а Александр претворил слова в дело»¹⁰.

Здесь Плутарх не совсем точен, поскольку Великий Македонец только начал претворять слова в дело, а до логического конца довести его не сумел, помешала смерть. Но то, что он начал проводить идеи Зенона в жизнь, железной рукой ломая сопротивление как своих соратников, так и входивших в царское окружение эллинов, сомнению не подлежит. Курций Руф вкладывает в уста Александра такую фразу: *«Одинаковы должны быть и права всех, кто будет жить под властью одного царя...»* (X,3,14). Вот он, главный принцип внутренней политики завоевателя, который впоследствии будет озвучен перед недовольными македонцами. Как видим, данный принцип идёт вразрез с тем, что говорил Аристотель.

Забавно, но процесс воспитания Александра, известного на востоке как Искандер Двурогий, нашёл отражение и в арабской литературе. Например, в «Книге занимательных историй» сирийского учёного Абуль-Фараджа есть интересная притча под названием «Секрет»: *«Аристотель наказал Александру Македонскому: – Свои секреты никогда не сообщай двоим. Ибо, если тайна будет разглашена, ты не смо-*

¹⁰ О судьбе и доблести Александра. Речь первая, 6.

жеешь потом установить, по чьей вине это произошло. Если ты накажешь обоих, то нанесешь обиду тому, кто умел хранить секрет. Если же простишь обоих – снова оскорбишь не виновного, ибо он не нуждается в твоём прощении»¹¹. Как видим, здесь смешались греческий колорит и восточная мудрость.

Теперь обратим внимание на любимые науки царевича, к которым он на протяжении всей жизни испытывал интерес, регулярно применяя на практике полученные знания. Речь идёт о географии и медицине. Здесь сказалось огромное влияние Аристотеля, подтверждение чему мы находим у Плутарха: *«Мне кажется, что и любовь к врачеванию Александру более, чем кто-либо другой, внушил Аристотель. Царь интересовался не только отвлеченной стороной этой науки, но, как можно заключить из его писем, приходил на помощь заболевшим друзьям, назначая различные способы лечения и лечебный режим»* (8).

Географию, как и медицину, Александр знал и любил. Войска под его командованием прошагали тысячи километров, но завоевателя тянуло всё дальше и дальше на Восток. В итоге он оказался в тех местах, куда с легендарных времён Диониса не заходил ни один грек. В обозе базилевса ехала целая армия учёных, которая составляла описание тех земель, по которым проходили победоносные македонские

¹¹ *Абуль-Фарадж*. Книга занимательных историй. М.—Л.: Государственное изд-во художественной литературы, 1961. С. 7.

войска. Вполне вероятно, что и сам царь принимал иногда участие в их работе, ибо всегда испытывал живой интерес к окружающему миру. Македонию, страну, где он родился, Александр теперь рассматривал как одну из частей своей громадной империи, а на империю смотрел как на составляющую часть Ойкумены. Для того времени это был совершенно новаторский подход к пониманию роли своего государства, которое воспринималось теперь как часть окружающего мира и не более того.

Вновь вернемся к поэмам Гомера Ахиллесу и Александру: *«Он считал, и нередко говорил об этом, что изучение „Илиады“ – хорошее средство для достижения военной доблести. Список „Илиады“, исправленный Аристотелем и известный под названием „Илиада из шкатулки“, он всегда имел при себе, храня его под подушкой вместе с кинжалом, как об этом сообщает Онесикрит»* (Плутарх, 8). Когда после победы при Иссе Александру принесли драгоценную шкатулку и сказали, что это самая прекрасная вещь из захваченной добычи, царь тут же заявил, что будет хранить в ней «Илиаду». Но дело даже не в шкатулке, а в том, что учитель, видя страстное увлечение своего ученика творением Гомера, взял на себя труд исправить и переработать это гениальное произведение. Царевич был знаком с эпосом Гомера и до приезда Аристотеля, но последнему, судя по всему, захотелось передать ученику все краски и оттенки поэмы. Попытка увенчалась успехом, поскольку именно эта редакция отправилась с

Александром в поход на восток.

Впрочем, базилевс и сам потрудился над «Илиадой». Страбон сообщает, что Александр в кампании с племянником Аристотеля Каллисфеном и философом Анаксархом лично исправлял текст гомеровских поэм и снабжал его примечаниями. Географ называет этот текст *«редакцией из Ларца»*. Что же касается Ахиллеса, то Александр будет подражать ему в радости и в горе на протяжении всей жизни. По сообщению Клавдия Эллиана, когда умрет лучший друг Александра Гепестион, то царь, в знак скорби по безвременно ушедшему дорогому человеку, подражая Ахиллесу, отрежет прядь своих волос. Однозначно, что сделает он это совершенно искренне.

Завоеватель прекрасно понимал, скольким он обязан своему наставнику, часто повторяя, что *«Филиппу он обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно»* (Плутарх). Что же касается философа, то он на практике попытался воплотить в жизнь свою теорию и создать идеального правителя на основе собственного мировоззрения. Идеальный не получился, получился просто Великий, что само по себе является замечательным результатом.

Завершая разговор об обучении Александра, позволю себе сделать одно наблюдение – то, что тебя учит гениальный наставник, ещё не означает, что ты станешь Великим правителем. Нерона ведь тоже обучал Великий философ Сенека.

Обратим внимание ещё на один аспект воспитания, не связанный с гуманитарными науками и на который обычно не обращают внимания. Это любовь Александра к воинским упражнениям. Будущий завоеватель был непревзойденным бойцом. Во время похода в Азию он лично водил войска в атаку и не боялся в одиночку вступать в бой с многочисленными противниками. Такое умение достигается только годами изнурительных тренировок. На это обратил внимание Плутарх, отметив, что Александр *«всегда старался в совершенстве владеть оружием, как мощный доспехом гоплит, в битве гроза для врагов, по слову Эсхила. Это искусство он унаследовал от предков Эакидов и Геракла»*¹². Подражая во всем Ахиллесу, царевич мечтал стать таким же великим воином, как и герой «Илиады».

Когда Александру исполнилось 16 лет, Филипп решил, что настала пора привлекать его к управлению государством. В 340 году до н. э. базилевс Македонии выступил в поход на город Византий, а вместо себя во главе страны оставил сына, доверив ему царскую печать. Конечно же в окружении молодого регента были и советники по административным делам, и военачальники, но во главе Македонии на тот мо-

¹² Плутарх. О судьбе и доблести Александра. Речь вторая, 2.

мент стоял именно Александр. Тогда же состоялось его первое боевое крещение, царевич успешно подавил восстание фракийского племени медов. Выступив в поход, он нанёс повстанцам поражение в открытом бою, захватил их город и изгнал из него жителей. Затем заселил город переселенцами из других регионов и переименовал в свою честь – Александрополь. Трудно сказать, в какой мере здесь заслуга самого Александра, а в какой его советников, но факт остаётся фактом – с ответственным поручением базилевса сын справился, и справился хорошо.

Между тем на Балканах резко обострилась международная обстановка и стало ясно, что столкновение между Македонским царством и греческими полисами не за горами. Решающая битва была неизбежна, и обе стороны к ней готовились.

Дорога к Херонее

Где царит сила, там закон бессилён.
Менандр

Пока Александр занимался изучением наук и постигал основы государственного управления, его отец продолжал упорную работу на благо Македонского царства. В 353–352 годах до н. э. произошло первое открытое вмешательство Филиппа в дела Греции – так называемая Священная война (355–346 до н. э.). Предыстория этой войны довольно за-

путанна и уходит своими корнями во времена фиванского и спартанского противостояния. Сигналом к началу боевых действий послужил захват жителями Фокиды храма Аполлона в Дельфах, общеэллинского святилища.

Фокида находится в Средней Греции и граничит с Локридой и Беотией. Во времена Греко-персидских войн владения фокейцев раскинулись до Фермопильского ущелья. Земли северной Фокиды, расположенные между горой Парнас и хребтом Каллидромон, были относительно плодородны, зато на юге, в горной местности, большие территории были покрыты лесами. Как видим, условия для развития сельского хозяйства были неважные. Торговля не процветала в этом регионе, а отсутствие полезных ископаемых и вовсе делало Фокиду довольно отсталой в экономическом отношении по сравнению с остальными областями Греции.

Как и во многих греческих областях, в политическом отношении Фокида являлась племенным союзом, состоявшим из 22 городов, наиболее значимым из которых была Элatea. И конечно же Дельфы, крупнейший общеэллинский религиозный центр, где при храме Аполлона находился легендарный оракул. Как и в остальных союзах Эллады, во главе Фокидского союза стоял стратег, наделявшийся на время боевых действий неограниченными полномочиями.

Возникает закономерный вопрос – чем прославились до Священной войны фокейцы и какую лепту внесли в копилку эллинской цивилизации? Какие заслуги за ними числились?

По большому счёту, ничем особенным жители Фокиды себя не прославили, за исключением одного момента – битвы при Фермопилах. И то...

Царь Леонид послал фокейских гоплитов стеречь обходную тропу через горы. Он исходил из того, что хозяева этой земли, будучи хорошо знакомыми с условиями местности, гораздо успешнее отразят персидскую атаку, чем бойцы из других регионов Эллады. Но спартанский царь жестоко ошибся, воины Фокиды с боевой задачей не справились. Обнаружив идущих через горы персов, фокейцы решили, что они явились по их душу, и бросились на вершину горы, где приготовились к обороне. Они хотели дорого продать свою жизнь. Но воинам Ксеркса до них не было никакого дела, у них был приказ отрезать общегреческому войску пути отступления, и они его выполняли. Беспрепятственно пройдя мимо засевших на горе фокейцев, персы вышли в тыл грекам, оборонявшим Фермопилы. Что произошло дальше, известно всем.

Единственное, что выделяло Фокиду не только в Греции, но и во всём эллинском мире, было то, что на их земле находился легендарный храм Аполлона, где пребывал самый знаменитый в Ойкумене оракул. С одной стороны, это было очень престижно, но с другой – налагало на фокейцев определённые обязанности и служило источником их проблем. Ведь именно из-за Дельф разразилась в разное время череда кровопролитных войн, которые получили название Священ-

ных, поскольку в той или иной степени они начались потому, что происходило ущемление прав общегреческого святилища. Для решения проблем, которые возникали вокруг храма Аполлона Дельфийского, в Элладе существовал Союз амфикионов, носивший ярко выраженный религиозный характер. Все члены союза были связаны клятвой, стоять на страже интересов Дельфийского святилища, всячески оберегая его неприкосновенность. Не приведи боги кому-либо покуситься на общегреческую святыню!

В глазах Союза амфикионов такой деятель, а то и целый народ сразу же объявлялся святотатцем, совершившим преступление против богов и подлежащим немедленному наказанию. Отступникам выносился суровый приговор, а его выполнение поручалось одному из членов союза, после чего начиналась Священная война против богохульников.

Первая такая война произошла в 595–583 годах до н. э., когда владельцы гавани Кирры, которая находилась рядом с Дельфами, решили брать пошлины с паломников, которые направлялись в Дельфы. Усмотрев в этом нарушение прав верующих, амфикионы собрали войско и выступили против алчных стяжателей. В итоге Кирру сровняли с землёй.

Вторая Священная война разразилась в 448 году до н. э., когда фокейцы захватили управление общегреческим святилищем и его богатствами в свои руки. Однако жрецы обратились к спартанцам за помощью и те вышибли из Дельф непрошенных гостей. Жители Фокиды, в свою очередь, по-

шли на поклон к афинским демократам и с их помощью силой вернули Дельфы в состав Фокидского союза.

Третья Священная война, оказавшаяся роковой не только для Фокиды, но и всей Эллады, произошла в 355–346 годах до н. э. и была самым тесным образом связана с именем Филиппа II Македонского. Началось всё с того, что фокейцы в очередной раз овладели храмом Аполлона в Дельфах. Помимо собственно храма, были захвачены огромные сокровища, и на эти деньги стратеги фокейцев, сначала Филомел, а после его гибели Ономарх, создали сильную и боеспособную армию. Однако стратеги оказались не только хорошими организаторами, но и толковыми полководцами, поскольку начали громить на полях сражений войска коалиции, которую против них создали беотийцы. Фокейцев поддерживали Афины и Спарта, а беотийцев – локры и фессалийцы. Боевые действия велись по всей Центральной Греции, а поскольку они затронули Фессалию, которая находилась в зависимости от Македонии, то соответственно зацепили и интересы царя Филиппа. Македонский базилевс быстро сообразил, какие заманчивые перспективы открывает перед ним возможность вмешательства в греческие дела, и когда последовал призыв фессалийцев о помощи, он охотно на него откликнулся.

Македонская армия вступила на территорию Фессалии и атаковала город Феры, тиран которого, Ликофрон, поддерживал фокейцев. На помощь тирану фокейцы прислали

войска под командованием Фаилла, брата главного стратега Ономарха, но македонские ветераны разгромили их наголову и изгнали из Фессалии. Тогда из Фокиды прибыла главная армия во главе с самим стратегом, и в двух сражениях Ономарх нанёс Филиппу поражение. Фокеец был талантливым военачальником и храбрым человеком, а его воины не испугались страшной македонской фаланги. Тяжёлые потери в войсках заставили Филиппа уйти в Македонию. Избавившись от главного врага, победоносный Ономарх вторгся в самое сердце вражеской коалиции, в Беотию, и захватил город Коронею.

Однако македонский царь не собирался сдаваться, неудачи лишь заставляли его действовать ещё энергичнее. Пополнив армию и подняв боевой дух солдат, Филипп вновь вступил в Фессалию и в очередной раз осадил Феры. Тиран Ликофрон, понимая, что в одиночку ему не выстоять, вновь обратился к Ономарху за помощью. Грозный фокеец откликнулся на его призыв и привёл на помощь 20 000 пехоты и 500 всадников. Но и Филипп сделал выводы из предыдущей неудачи, а потому выставил против врага 20 000 пехотинцев и 3000 кавалеристов, большую часть которых составляли фессалийцы. В жестокой битве на Крокусском поле Филипп полностью разгромил армию Фокиды и устроил беспощадное избиение беглецов, во время которого погибло 6000 фокеев. Около 3000 человек попало в плен, и базилевс с ними жестоко расправился – как осквернителей храма их уто-

пили в море, а храброго Ономарха по царскому приказу повесили на кресте.

После этой победы македонская армия заняла Феры, уничтожила тиранию и навела порядок в Фессалии. Филипп выступил в поход на Фокиду, но неожиданную прыть проявили афиняне, их армия заняла Фермопилы и преградила путь победоносному македонскому царю. Начинать боевые действия против Афин Филипп не хотел, а потому развернул войска и ушёл в Македонию.

Тем не менее эффект от действий Филиппа во время Священной войны оказался потрясающим. Греки впервые увидели в действии ту силу, на которую до этого в принципе не обращали внимания. Многие здравомыслящие политики были вынуждены призадуматься над тем, не пора ли прекращать междоусобные распри и обратить внимание на угрозу с севера. Что же касается македонского базилевса, то он вполне мог быть доволен как итогами этой войны, так и усилением своего влияния в Элладе. Недаром Диодор обратил внимание на то, что Филипп по окончании кампании увеличил территорию своего царства и зарекомендовал себя в глазах греков богобоязненным и глубоко религиозным человеком.

* * *

С 352 по 349 год до н. э. Филипп воевал во Фракии и Иллирии, после чего собрался нанести решительный удар

по греческим городам на полуострове Халкидики. Македонская армия осадила город Олинф. Повод для войны со стороны Филиппа был очень даже уважительный. То ли по недомыслию, то ли желая на этом заработать политический капитал, но жители города дали политическое убежище двум сводным братьям базилевса, которые вполне могли притязать на власть в Македонии. В двух битвах царь наголову разбил ополчение Олинфа, а затем взял город в осаду. Штурм следовал за штурмом, македонская осадная техника превращала в щебень городские укрепления, но город не сдавался.

Говорят, что у Филиппа была любимая поговорка: *«Осёл, нагруженный золотом, возьмёт любую крепость»*. Это не совсем так. Дело в том, что эта фраза никогда не была поговоркой и не исключено, что базилевс произнес её всего один раз в жизни. В книге Плутарха «Изречения царей и полководцев» есть глава, посвященная Филиппу II и в ней содержится такой рассказ: *«Когда он хотел взять одно хорошо укреплённое место, а лазутчики доложили, будто оно отовсюду труднодоступно и необозримо, он спросил: „Так ли уж труднодоступно, чтобы не прошёл и осёл с грузом золота?“»* (14). Вот и всё, ни о какой поговорке речи нет. Но для нас важен принципиальный момент – там, где сила не помогала, Филипп охотно пускал в ход деньги. С этим уже сталкивались. И случай с Олинфом не стал исключением.

Подкупленные царём руководители обороны сдали город, и Олинф был взят: претендентов на трон прикончили, насе-

ление продали в рабство, а полис сравнивали с землёй. Затраченные средства себя оправдали полностью. Недаром Диодор Сицилийский приводит слова базилевса о том, что золотом он действует гораздо охотнее, чем оружием. Царь не был скуп на подарки и денежные вознаграждения как для своих воинов, так и для тех, кто в обозримом будущем мог принести ему какую-либо пользу. После разрушения Олинфа Филипп продолжил боевые действия на севере и в 346 году до н. э. во время похода во Фракию подчинил местного царя. Были захвачены серебряные рудники; одновременно царь наложил руку и на золотые рудники в Фессалии.

Всплеск небывалого могущества Македонии не на шутку перепугал афинских политиков. С тревогой наблюдая за растущей мощью базилевса, они стали вступать в союзы со всеми потенциальными врагами Македонии. Афинские послы шныряли по Балканскому полуострову, настраивая эллинские полисы и союзы против Филиппа, обещая всем, кто выступит против македонцев, свою военную помощь. Но толку от этого не было никакого, никто пока не хотел связываться с могущественным правителем Македонии. И тщетно метал афинский оратор Демосфен в Филиппа громы и молнии, царю от этого было ни жарко ни холодно – пусть себе надрывается, от базилевса не убудет. Но очень скоро ситуация в Элладе резко осложнилась.

Несмотря на поражение в Священной войне, фокейцы сумели удержать в Беотии три города – Орхомен, Коронею и

Корсию, превратив их в плацдарм для набегов на земли беотийцев. При негласной поддержке со стороны Афин и Спарты. В противостоянии с фокейцами Беотийский союз нёс тяжёлые потери как в людях, так и в финансах, поскольку планомерные вторжения неприятеля разрушали его экономику. Совершенно истощив свои силы и не имея ни материальных, ни людских ресурсов для продолжения борьбы, беотийцы отправили в Македонию посольство с просьбой о помощи. Судя по всему, бесконечная война уже настолько надоела самим эллинам, что вести её не было ни сил, ни желания, и поэтому они решили призвать третью силу. Но если царь действительно явился на помощь беотийцам, то спартанцы и афиняне поддержали фокейцев только на словах.

Македонская армия, усиленная фессалийской кавалерией, вторглась в Фокиду. Филипп искал возможность решить исход войны одним сражением, однако противник уклонялся от боя. Наконец фокейский стратег, видя огромное неравенство сил, заключил с царём перемирие, по условиям которого он вместе с наёмниками удалялся на Пелопоннес. Так македонский базилевс неожиданно для всех закончил без единого сражения войну, которая тянулась целых 10 лет, истощая и без того ослабленную Элладу. Точку в боевых действиях поставил совет амфикитионов, собранный царём и решивший судьбу целого народа. Для Фокиды всё было конечно.

Прежде всего, Филипп позаботился о собственном инте-

ресе и под его давлением эллины приняли решение о допуске Филиппа и его потомков в Совет амфикитионов. Мало того, базилевсу единогласно отдали в нём два голоса, которые раньше принадлежали фокейцам. После этого началась расправа над Фокидой. Фокейские города сносились с лица земли, а их жители расселялись по деревням, в которых не должно было быть больше пятидесяти домов. Расстояние между этими деревнями было оговорено специальным постановлением. Помимо этих репрессивных мер, на жителей Фокиды налагался ежегодный штраф в 60 талантов. Платить его они должны были до тех пор, пока не выплатят сумму, на какую их стратеги награбили сокровища в Дельфийском храме. Маленькая страна была фактически уничтожена, её земли лежали в запустении, а жители разошлись по всей Элладе. Характерно, что приговор амфикитионов приводили в исполнение македонские солдаты, и по всему выходило, что Филипп становился главным арбитром в греческих делах.

На землях святотатцев воинство базилевса разгулялось не на шутку. Фокида была охвачена грабежами и убийствами, жителей продавали в рабство, а в некоторых местах даже растащили добро из храмов. Царь Македонии потратился на эту войну и теперь, за счёт потерпевших поражение фокейцев, поправлял своё финансовое положение. По сообщению Юстина он оставил без добычи своих союзников, справедливо рассудив, что кто войну закончил, тот трофеи и собирает. Это был огромный, ошеломляющий успех лично Филиппа.

па как политика и полководца, а Македонии как молодой державы. Страна стала одним из сильнейших государств Восточного Средиземноморья, и теперь греки с ужасом взирали на грозную силу, скопившуюся на севере, которая выросла буквально у них на глазах. Возможно, именно в это время и стали появляться у базилевса мысли об объединении Эллады под своей рукой и походе против персов. Но для этого надо было работать, работать и ещё раз работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.